

Михаил ГАУЗНЕР

Письма легендарного человека

Ион Лазаревич Деген — один из лучших танковых асов Отечественной войны, дважды представленный к званию Героя. В перерывах между боями этот восемнадцатилетний командир танкового взвода писал замечательные, искренние стихотворения; одно из них недавно ушедший Е. Евтушенко назвал лучшим из того, что было сказано о войне, а В. Гроссман и В. Астафьев цитировали в своих романах.

Деген трижды был тяжело ранен, ему ампутировали часть ноги. Двадцатилетний инвалид стал хирургом-травматологом, доктором медицинских наук. На протезе, с осколком в мозге, он спасал жизнь и здоровье множеству людей, в 1959 г. впервые в мире реплантировал киевскому слесарю отрезанную руку; научные работы Дегена получили мировую известность. В 52 года уехал в Израиль, изучил иврит, подтвердил диплом врача, стал одним из ведущих травматологов страны. Написал много рассказов, стихов, эссе.

Три года назад в Интернете была размещена видеозапись моей литературной программы, посвящённой этому замечательному человеку. В ней я рассказал о нём и прочитал много его фронтowych стихов. Эта видеозапись попала к Дегену, и через несколько дней я неожиданно получил от него письмо, с которого началась наша переписка. Отрывки из наиболее интересных писем Дегена я предлагаю вниманию читателей.



доверительность в мой адрес, я тронут, для меня это очень лестно и ответственно — ведь я отдаю себе отчёт в том, кто я и КТО Вы”:

16.01.15.

Дорогой Михаил! Вы меня смущали. Даже рассмешили этим “КТО Вы”. Я сам очень хотел бы узнать, КТО я. Пока знаю только, что я должник. Так много получил, что никак не смогу вернуть. А по поводу нашего с Вами контакта Вы абсолютно справедливы. Наши радары определённо работают на одной частоте. Сердечный привет Вашим коллегам по культурному центру. Будьте здоровы, счастливы, благополучны!
Ваш Ион.

После просмотра моей программы “Одесса в стихах” и очерка о Потёмкинской лестнице:

27.06.15.

Дорогой Михаил! Спасибо за доставленное удовольствие. Это была, как мне кажется, самая лучшая Ваша программа. А “Потёмкинская лестница”! Поздравляю Вас с интересным уточнением. Какое количество информации я получил! Мне интересно всё, что Вы делаете. Восхищаюсь вами! Огромная благодарность за всё! Будьте здоровы, счастливы, благополучны!
Ваш Ион.

После просмотра моей программы о Р. Рождественском:

18.10.15.

Дорогой Михаил! Вы замечательно создали образ благородного человека. Что касается поэта, мне пришлось бы написать Вам не ответ, а большую статью. Из всех поэтов шестидесятых годов для меня существовал только Окуджава. А из советских после Багрицкого — фронтовые, о которых говорил ранее, и практически неизвестный Николай Панченко. Рождественский открылся мне как трагическая личность и не совсем состоявшийся поэт-лирик буквально пару лет назад... Ещё раз огромное спасибо! Будьте здоровы, счастливы, благополучны.
Ваш Ион.

После отправки моей книги “Избранные переводы”:

13.03.16.

Дорогой Михаил! Большое спасибо. Не все стихотворения мне по душе. Не все, если бы умел, переводил. Но Ваше мастерство поражает. Завидую Вашему умению работать над стихотворением, и в этом нет ни малейшего преувеличения (выделено Дегеном, — М. Г.). Мне это недоступно. Даже писать об этом трудно. Поговорить бы!.. Жаль, что это лишь из области желаемого. Спасибо! Спасибо! Крепко обнимаю!
Ваш Ион.

После просмотра программы об Н. Заболоцком:

22.09.

Дорогой Михаил! Спасибо большое!!! Смотрел и слушал, не отрываясь, хотя сейчас для меня это непросто. Так и быть. Прицеплю рассказ, чтобы Вы поняли, о чём речь. Всего Вам самого доброго и светлого! Ваш Ион.

В этом письме впервые как бы между прочим он намекнул на свою болезнь. Оказалось, что болезнь уже запущена. Деген прислал мне свой подробный рассказ о ней, написанный летом и заканчивающийся словами:

Ну что ж, сейчас мне девятно второй год. Ещё юношей научился встречать смерть без паники. Главное — приучить внуков к тому, что всё идёт своим чередом, как и должно идти. Юмор в таких случаях — большое подспорье. Во мне нахально хулиганит тумор*, И так как я пока ещё не умер, Сильнее тумора еврейский юмор. Он даже обезболить умеет. Открытым текстом сказано еврею О том, что срочно ожидаем там. Чтоб облегчить труды гробовщикам, Сейчас катастрофически хуюею. Одно лишь не могу исправить жлобство — Любимым причину я неудобство. Понятно, что стихи такого сорта Позволено публиковать пост мортем.

Прошло четыре месяца. А я ещё жив. Состояние почти не изменилось. Заставляю себя есть, хотя даже любимая пища не доставляет мне удовольствия и воспринимается с трудом. Разумеется, очень похудел.

* Тумор — уплотнение, опухоль.

ЭКСОДУС, или Несколько слов о ближайшем будущем

Исход всегда без паники приемлю. Как часто я бывал к нему готов. Солдата долг — хоть на земле, хоть в землю, Без пафоса и без высоких слов. Нет, утешениям не внемлю. Бальзам? Зачем поток ненужных слов? Исход без паники приемлю. Фактически к нему уже готов.

05.07.2016.

ЛЮБИМЫМ

Чтоб облегчить вам муки ожидания, Старался басенкой, стихом, рассказом Уверить вас, что я прочнее зданья, В котором только хладнокровный разум...

06.07.2016 г.

26.09.16.

Спасибо, дорогой Михаил! Происходит ещё одно чудо в моей жизни. Вот уже пять месяцев, а я ещё жив. Задумываюсь, не совершает ли Всевышний какой-то эксперимент, в котором мне предназначена определённая функция. Но какая? После приезда в Израиль в памяти моей начали беспорядочно появляться обрывки стихов, написанных ещё в 1942 году. Сын советовал записать. Но я этого не делал, так как не мог вспомнить цельного. Доволен, что без моего участия харьковчане опубликовали четверостишие, которого я стеснялся, не публиковал и почти не читал:

А смерть с разрывом каждым всё зверее. И ждётся её один на сотне плаха, Не зная, есть ли страх у нееврея, А у еврея права нет на страх.

Воспоминанья в ночь, в часы тихи Не о комедии, на днях прошедшей, А об одной атаке сумасшедшей, И с ней давно пропавшие стихи. Но стих не весь. Всего лишь пара строк, Порой катрен давным-давно забытый. Садись. Восстанови стих пережитый. Но от безумий я уже далёк... Восстановить писания мои Возможно лишь в той страшной атмосфере. Но, к счастью, время то и те бои В сознании смутны, по крайней мере.

28.10.2016.

Простите, что морочу Вам голову. Привет и благодарность моим доброжелателям. Будьте здоровы, счастливы, благополучны.
Ваш Ион.

Отрывок из последнего письма:

25.01.17.

...Пожалуй, точная формулировка моего состояния — продолжается чудо. Преодолевая всё, даже пытаюсь чирикать вирши. И снова чудо. Продолжаю жить. Что это — наказание или награда? За что? За что? Неловко мне спросить. А для чего? Спросить, конечно, надо.

Простите, что занимаю Ваше время этой чепухой. Всего-всего самого доброго и светлого!
Ваш Ион.

В ответ я пытался найти подходящие слова. Написал и о гипотетическом эгрегоре множества людей, просящих за него: “Вероятно, не это определяет планы Всевышнего, но можно рискнуть предположить, что всё же как-то помогает тому, за кого просят”. К сожалению, это письмо и другое, в марте, остались без ответа. У Дегена не было не только трагизма, а даже печали по поводу своего ухода: “Всему рано или поздно приходит конец. Теперь моя очередь”. Вот строки из его стихотворения “Молитва”:

За всё, Господь, благодарю — За радости и за страдания, За точно по календарю Цветение и увядание... ...За то, что вступу в час любой Вокруг меня родные лица. За то, что говорю с Тобой Я, не наученный молиться. За звонкий золотой закат, За день, что не напрасно прожит. За радость бытия стократ Спасибо, мой великий Бог!

28 апреля Ион Деген скончался. Его похоронили на тель-авивском кладбище “Кирьят-Шауль”.

Редакция газеты “Всемирные одесские новости” поздравляет постоянного нашего автора Михаила Гаузнера с получением премии Паустовского.

06.04.2014.

Дорогой Михаил! Нет слов, чтобы выразить Вам мою благодарность за популяризацию, которой, по-моему, не заслуживаю. Определёно, Вы тец-декламатор. Даже преодоление заикания придаёт шарм Вашей чудесной дикции. Забыл попросить у Вас прощения за обращение к Вам по имени. Но меня извиняют два обстоятельства. Во-первых, в Израиле даже к Богу обращаются на “ты”. Во-вторых, по моим подсчётам, Вам 75 лет, хоть выглядите Вы моложе. То есть для меня Вы пацан.

Будьте здоровы, счастливы, благополучны со всеми близкими! Ещё раз сердечная благодарность Вам! Всего-всего самого доброго и светлого!
Ваш Ион.

В одном из писем я спросил у Иона Лазаревича, не связывает ли его что-нибудь с Одессой. В ответ он написал:

Дорогой Михаил! За Вашу книгу большое спасибо. А вопросом Вы меня рассмешили. В пятом классе я учился в 49-й одесской школе, что на Полицейской, примерно угол Екатерининской. Это был 1936 год. Мама со мной, исключённым из школы, переехала в Одессу из Могилёва-Подольского. В Одессу потому, что до замужества долгие годы жила в ней, работая фармацевтом. Жили мы на Греческой площади, 3/4, в круглом доме. Все учителя, кроме преподававшего рисование, меня возненавидели. Он полюбил. Говорили, что в Одессе, конечно, есть бандиты, но такого мы ещё не видели. Короче, я не привился — в школе. В Одессе, наоборот, очень. Вероятно, не было трамваев, на самых невероятных местах которых я не объездил бы весь город и окрестности. Из-за меня маме пришлось вернуться в Могилёв-Подольский. Несмотря на возненавиденную мной 49-ю школу, я влюбился в Одессу. Когда в студенческую пору, и потом, и перед самым отъездом в Израиль я приехал в Одессу, это было подзарядкой моего аккумулятора. Всего самого доброго и светлого!
Ваш Ион.

В следующей программе, приуроченной ко дню начала Отечественной войны, я продолжил рассказ об Ионе Дегене, прочитал его рассказ “День рождения”, его стихи и передал ему видеозапись. Вот его письмо.

Дорогой Михаил! Получил и потрясён! Спасибо большое! Снова сомневаюсь в том, что достоин такого. Рассказ в Вашем исполнении прозвучал значительно лучше мною написанного. О втором отделении (о фронтowych поэтах, — М. Г.) просто молчу. До чего же здорово Вы его сделали! А когда Вы прочитали стихотворение Сергея Орлова, мне захотелось Вас обнять. Вспомнил, как летом 1945 г. в Москве меня привезли в Дом литераторов (потом ЦДЛ). На костылях вошёл в небольшой зал. В последнем ряду справа от двери сидел мужчина с лицом в рубцах от ожогов. Определённо танкист. Решил, что это Сергей Орлов. Не ошибся. Начал читать стихи. Сразу почувствовал холодок. Затем холод. Затем

ненависть. Только Орлов после каждого стихотворения складывал руки в беззвучных аплодисментах. Я посчитал, что он боялся показать свои чувства. Недавно внук Орлова объяснил, что он не мог иначе аплодировать сожжёнными ладонями. А тогда я написал:

Он аплодировал в тот летний вечер. Кому? Чему? Стихам? А может, мне? Случайная не двух поэтов встреча, А встреча двух убитых на войне. Увидел я горевшего танкиста. По костылям он вычислил меня. Старался уберечь меня от свиста, От своры литераторов храня? Одна всего лишь, к сожалению, встреча. Всю жизнь ценитель я его стихов. А те аплодисменты в летний вечер Дороже всех затем хвалебных слов. Я Вам очень благодарен! Надо же, такая награда! Спасибо, дорогой Михаил! Пожалуйста, передайте Вашим слушателям мою сердечную благодарность. Всего-всего самого доброго и светлого!
Ваш Ион.

В конце декабря 2014 г. Дегена чествовали в Большом Кремлёвском дворце. Он получил премию “Человек года” в номинации “Человек-легенда”. Пятитысячный зал стоя приветствовал его овациями. Я тепло поздравил Иона Лазаревича с этим событием и выходом документального фильма о нём.

27.12.2014.

Дорогой Михаил! Спасибо Вам огромное! Вы действительно мой добрый ангел. Ну что ещё я могу сказать?.. Благодарю Вас. Доброго Вам здоровья, радости и удачи в наступающем году!
Ваш Ион.

06.01.15.

Дорогой Михаил! Ни о какой переоценке не может быть речи. Недоцениваю. С удовольствием прослушал и программу о Рязанове. А с юбилеем Вы ошибаетесь. Юбилей от слова на иврите ювель — кратное пятидесяти. А мне, если захочет Всевышний, исполнится в этом году 90. Ещё раз большое спасибо! Будьте здоровы, счастливы, благополучны.
Ваш Ион.

После просмотра присланной мною презентации молодого одесского поэта:

14.01.15.

Мальчик явно талантливый. Но не могу я быть с Вами неоткровенным. Что-то меня в этом мальчике останавливает. Какое-то непонятное недоверие. Простите, виноват. Я предпочитаю не осуждать людей, даже имея основания. Но, к сожалению, осталась фронтальная привычка выбирать члена экипажа. И повторяю: только Вам я мог это написать. А девочка-пианистка — прелесть. Но, зная себе цену, она иногда забывает об аккомпанементе. Доминанта! Будьте здоровы, счастливы, благополучны, удачливы!
Ваш Ион.

В ответ на мою фразу “Благодарю Вас за